

ГОРЬКИЙ — М. Е. ЛЕВБЕРГ

Мария Евгеньевна *Левберг* (1894—1934) познакомилась с Горьким в Петрограде около 1915 г. и встречалась с ним до его отъезда за границу (в конце 1921 г.). Горький принимал живое участие в литературной работе молодой писательницы.

Левберг принадлежат сборник стихотворений «Лукавый странник» (1915), пьесы «Шпага кавалера» (1917), «Дантон» (1919), «Монтана» (1928), повесть «Лайма» (1932) и др. Левберг переводила Р. Роллана, Мольера, Стендаля и других авторов. В 1932 г. Горький привлек ее к участию в работе над «Историей фабрик и заводов». В своем докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей он отметил успешную работу Левберг по созданию истории «Красного Путиловца» (книга осталась незавершенной).

Ниже публикуются шесть писем Горького к Левберг за 1926—1931 гг.

1

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

⟨Сорренто. 15 сентября 1926 г.⟩

Дорогая Мария Евгеньевна,

не могу подписать вашу пьесу, ибо ни в какой мере и степени не чувствую себя сопричастным ее появлению на свет божий. Сколько помню, — «наброски», мною вам данные, были совершенно ничтожны¹.

Но я, вероятно, мог бы помочь вам устроить ее в театрах 2-м Художественном и у Н. Ф. Монахова². Сообщите, желаете ли вы этого. Очень хотел бы прочитать «Актера»³ — не пришлете ли? Возвращу быстро.

Давно не слышал ничего о вас и очень обрадовался, получив письмо. Вспоминаю вас всегда с уважением и сердечной благодарностью.

Напишите, — как живется?

М. И. Будберг (Закревская)⁴ просит передать вам ее привет.

Будьте здоровы.

А. Пешков

15.IX.26. Sorrento

¹ В письме Горькому от 7 сентября 1926 г. Левберг писала: «Помните ли вы, что у меня находятся наброски вашей драмы из скандинавской жизни и что вы дали их мне когда-то для того, чтобы я сделала из них пьесу? Тогда мне это показалось трудным, теперь кажется возможным.

Но вот в чем вопрос. Поставить такую, совсем не имеющую отношения к современности пьесу для писателя без имени почти невозможно. Согласились ли бы вы, и если да, то в какой форме, присоединить к моей подписи (в том случае, конечно, если бы вы нашли пьесу стоящей) и свое имя?» (АГ).

Над стихотворной драмой из древнескандинавской жизни под названием «Норманы» Горький работал, по-видимому, в 1917—1919 гг. Черновые наброски и отдельные фрагменты пьесы опубликованы в книге «Архив А. М. Горького», т. VI. М., Гослитиздат, 1957, стр. 136—149. Свой замысел — написать пьесу по материалам «Норманов» Горького — Левберг не осуществила.

² Николай Федорович *Монахов* (1875—1936) — актер и режиссер, народный артист РСФСР. В 1919 г. принял участие в организации «Большого драматического театра» в Петрограде (ныне Ленинградский Большой драматический театр им. М. Горького). Монахов был членом правления, председателем художественного совета и управляющим театра. В 1919—1920 гг. на сцене театра шла пьеса М. Левберг «Дантон».

³ «Актер» — комедия в стихах Левберг.

⁴ Мария Игнатьевна Будберг (урожденная Закревская) — секретарь и друг Горького.

2

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

(Сорренто. 25 мая 1927 г.)

У меня, Мария Евгеньевна, неизбежно впечатление вашей «одержимости», полученное мною почти 10 лет тому назад, и я совершенно уверен, что, несмотря на злую путаницу «быта», вы все-таки пройдете к вашей цели, вы должны написать что-то значительное. Вот — О. Д. Форш только что развертывает свои силы — и как хорошо! — а ведь ей, слышал я, жилось и живется адски трудно. Да и вообще, всегда женщине жилось труднее, чем спутнику ее, однако она, как будто, лучше сохранила силы духа. Вероятно, это — смешно будет вам, а я на старости лет, кажется, становлюсь сторонником «гинекократического» движения, среди женщин возникающего. Нет, серьезно: опозорился мужчина здесь, в Европах, не в силах наладить жизнь, настроен сумеречно, очень ясно чувствуешь, как он злится на бессилие свое, — именно этой злостью творятся такие факты, как «пощечина мертвецу» — Ан(атолу) Франсу¹, — как «обезьяний процесс»², борьба «низколобых» с «высоколобыми» в Северной Америке³, всякие «Ку-клукс-кланы» — сдача позиций мелкому мещанству, судороги англичан и пр. и т. п., чего очень много и что может свидетельствовать только о том, что творческие силы мужчины — иссякают. Кажется, одна Россия вне этого процесса. А с другой стороны — изумляет быстрота *духовной* эмансипации женщин Востока — турчанок, арабок — и гинекократические теории, развиваемые немками Германии⁴. Вообще в этой области начинается интереснейший шумок, и это не «суффражизм» Панкхерст⁵, а нечто более серьезное, как я думаю. Роллан, Маргерит⁶ и — отчасти — Цвейг тоже, как будто, чувствуют все возрастающее значение женщины, да и не одни они только. М(ожет) б(ыть), я ошибаюсь?

Интереснейшее время, М(ария) Е(вгеньевна), милый друг! Право, так. Такие фокусы показывает жизнь, усиливаясь и в сторону небывалой пошлости, и в сторону неожиданностей, которые возбуждают радостные надежды.

Крепко жму руку.

Всего доброго.

А. Пешков

25.V.27.

Sorrento

¹ В 1924 г., после смерти А. Франса, группа молодых французских писателей-сюрреалистов (Ф. Супо, Пьер Дрие ла Рошель, Луи Арагон, Поль Элюар, Андре Бретон и Жозеф Дельтейль) выпустила сборник-памфлет «Групп», одна из статей которого называлась «Дали вы уже оплеуху мертвецу?» В памфлете отразилось огульно-отрицательное, нигилистическое отношение сюрреалистов к культурному наследию. Но до известной степени памфлет явился и реакцией на выступления буржуазной прессы, которая в начале года шумно чествовала восьмидесятилетнего Франса, как якобы защитника буржуазного миропорядка.

Когда Горький в журнале «Revue Eugénienne» 1 декабря 1924 г. опубликовал свою статью «Об Анатоле Франсе», он получил письмо от Р. Роллана: «Парадоксальное положение с вашей статьей, посвященной памяти Анатоля Франса, заключается именно в том, что она напечатана как раз в том журнале, один из редакторов которого, Супо, вместе с пятью другими известными молодыми писателями, подписал оскорбительный, полный жестокой ненависти к Франсу памфлет, который появился на другой день после его смерти» («Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 343).

² В США, в городе Дейтоне (штат Теннесси) в июле 1925 г. происходил так называемый «обезьяний процесс», на котором был осужден учитель колледжа Джон Скопс за преподавание теории Дарвина о происхождении видов.

³ «Высоколобыми» (точнее, «высокобровыми») в США назывались представители передовой прогрессивной интеллигенции, восставшей против обывательских вкусов и идеалов так называемых «стопроцентных американцев».

⁴ См. Горький — Пришвин, письмо 18, прим. 6.

⁵ Сильвия Панкхерст (1882—1928) — одна из руководительниц суффражистского движения в Англии.

⁶ Виктор Маргерит (1886—1942) — французский писатель, автор нашумевших романов «Холостячка» (1924), «Путь женщины» (1922—1926) и других, посвященных судьбе женщины в современном буржуазном обществе.

ГОРЬКИЙ

Портрет маслом И. Н. Ракицкого, Сорренто, 1927 г.

Музей Горького, Москва

3

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

⟨Морозовка. 24 августа 1928 г.⟩

Дорогой друг —

тема повести о Гарденине ¹ крайне оригинальная тема, но — на мой взгляд — вы отнеслись к ней не так внимательно, как она того заслуживает. Процесс трансформации Дудырина в Гарденина «ироикомический» процесс, чрезвычайно характерный для нашей действительности. И это отнюдь не игра субъективной воли, субъективного воображения, это — «насилие истории», ее команда, ее «категорический императив». Уж если вы «наскочили» на эту тему, — работайте над нею серьезно, она — ваше открытие.

То, что ваш Дудырин отказался от *созданного им* Гарденина, у вас не оправдано. Символизм — красный, маленький человечек — излишен и — по форме — неудачен. Нет, вы действуйте без символизма и без XVIII

века, столь вам любезного, тем более, что век этот не объединяется с символизмом вообще, а в теме Гарденина особенно не объединяется.

Убедительно советую вам «сесть» за повесть на эту тему, отнестись к ней более углубленно; приехав в Ленинград, буду убеждать вас с страстием.

«Дремучий бор» передам в «Новый мир» или «Кр(асную) новь»².

Прилагаю письмо Монахову³.

37 дней ездил по градам и весям Союза⁴, ходил по заводам, в голове кружатся колеса, гремит железо и вообще — кавардак. Странно все, интересно, много неожиданного, в общем: героизм ходит под ручку с пошлостью, как всегда было, но героизм значительно выше ростом.

Скоро увидимся. Когда? Сие есть тайна, ибо не хочу шума. Крепко жму руку и до свидания.

А. Пешков

24.VIII.28. Морозовка.

¹ Повесть Левберг «Ипполит Гарденин». Сведений о публикации повести нет.

² Сведений о публикации произведения Левберг «Дремучий бор» нет.

³ Приводим текст письма Горького к Н. Ф. Монахову по поводу пьесы Левберг «Монтана» (АГ):

«Дорогой Николай Федорович — весьма прошу вас: обратите внимание на прилагаемую пьесу М. Левберг. Думается мне, что пьесы такого тона способны удовлетворить „запрос дней“, особенно когда они вполне „литературны“, какова пьеса Левберг. Кажется, что роль секретаря — для вас. Вообще пьеса понравилась мне.

Надеюсь скоро позать вашу руку.

А. Пешков

24.VIII.28. Морозовка»

⁴ См. Горький — Ласковая, письмо 9, прим. 1.

4

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

⟨Москва. 12 октября 1928 г.⟩

Вот вам, дорогой друг, записка в КУБУ¹.

Если не так, пошлите в Сорренто, перепишу. Нахожусь в нервном, раздражающем процессе сборов к отъезду. Уезжать — не хочется². Как всегда, в такие дни — все запуталось. Очень огорчен смертью Скворцова³.

До свидания, до весны.

А. Пешков

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ КУБУ (Цекубу) — Комиссия по улучшению быта ученых, созданная при деятельном участии Горького в конце 1919 г.

В письме от 3 октября 1928 г. Левберг просила Горького дать ей рекомендацию для зачисления в литературную секцию научных работников.

² 12 октября 1928 г. Горький выехал из Москвы в Сорренто.

³ Иван Иванович Скворцов-Степанов умер 8 октября 1928 г. Горьким был написан очерк «И. И. Скворцов», опубликованный в «Известиях», 1928, № 236, от 10 октября.

12 октября Горький присутствовал на похоронах Скворцова-Степанова.

5

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

⟨Сорренто. 6 апреля 1929 г.⟩

Дорогая Мария Евгеньевна —

говорят, у вас в Ленинграде есть талантливый режиссер¹, один из героев «Республики Шкид»², — знаете вы такую книгу? Я забыл фамилию этого парня, вы можете найти его, спросив В. М. Ходасевич³ или одного

из авторов «Республики» — Леонида Пантелеева. Найдите его и дайте ему «Монтану». А то — подождите до мая, будем хлопотать вместе.

В стихах вы говорите ⁴: «Я и Оно. И нет меж нами грани». Если — «нет грани», следовательно, должен быть какой-то монизм. Но оказывается: «И враг врага не может превозмочь». Это уже дуализм. Непонятно — почему же?

А что, если «оно» — не более, как только комплекс ваших оценок «мира», т<о> е<сть> — действительности и ваших мыслей о ней, о себе самой? И не есть ли вражда «я» и «оно» — отражение того векового заблуждения, которое расчленяет «плоть» и «дух», «инстинкт» и «разум»? Я — человек, который мыслит весьма примитивно. Несмотря на кажущиеся противоборства, я все-таки вижу человека существом целостным — органом, который создан природою для целей ее самопознания. Познание становится третьим *инстинктом* человека, мне кажется, что именно отсюда возникает большинство наиболее сложных драм.

Летом давайте побеседуем на эту тему, если вы не против.

Сейчас я работаю во всю силу, готовясь к поездке в Россию. Очень хочется, чтоб скорее пришла весна, а она — не идет. Апрель, юг Италии, а на горе, над Сорренто, более месяца лежит и скандально не тает снег! И раза два в неделю неожиданно, непрошено дует «трамонтана» — северный ветерок. Испортилась вселенная.

До свидания! Будьте здоровы! И — ставьте самовар, — приду к вам чай пить.

Жму руку.

А. Пешков

6.IV.29.

БИБЛИОТЕКА ГОРЬКОГО В ДОМЕ НА МАЛОЙ НИКИТСКОЙ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА КАЧАЛОВА) В МОСКВЕ

Фотография

Музей Горького, Москва

¹ Георгий Иванович *Ионин* (1907? — 1929) — режиссер и литератор. Л. Пантелеев сообщил о нем Архиву А. М. Горького следующее: «„Талантливый режиссер“, о котором упоминает А. М., — это Георгий Ионин (в повести „Республика Шкид“ выступающий под кличкой „Японец“). Это был действительно очень талантливый человек, самый талантливый и обещающий в нашем „беспризорном лицее“. В 14—15 лет он самостоятельно овладел несколькими иностранными языками, отлично разбирался в вопросах истории, философии и т. д. По выходе из Шкиды Ионин учился в Ленинградском институте сценических искусств. С блеском начал он свою самостоятельную творческую жизнь — как один из основателей и режиссеров Театра классических миниатюр и как литератор (он работал с Шостаковичем над либретто оперы „Нос“, писал много для театра, собирал материалы для большого сатирического романа).

Жизнь Ионина рано оборвалась — он умер летом 1929 г. в Москве, в городской больнице, заразившись от мальчика, соседа по койке, скарлатиной» (АГ).

² Л. Пантелеев и Г. Белых. Республика Шкид. М. — Л., Госиздат, 1927.

³ Валентина Михайловна *Ходасевич* (р. 1894) — художница. Горький был связан с Ходасевич длительной дружбой. Она бывала у него в Саарове и Сорренто.

⁴ Стихотворение Левберг «Монолог» было послано Горькому вместе с е письмом от 7 марта 1929 г. (АГ). Горький разбирает следующие строфы стихотворения:

Вся жизнь моя короткий диалог.
Я и Оно. Я — голос. То — молчанье,
Чье имя хаос, космос или бог.
Я и Оно. Нет между нами грани.
И враг врага не может превозмочь.

В такую вот неистовую ночь,
Когда природа корчится от боли,
В трезвении пространств и лет,
Я кривыи неугомонной воли
Стрелу спускаю...

6

ГОРЬКИЙ — ЛЕВБЕРГ

⟨Москва. 27 июня 1931 г.⟩

Дорогая Мария Евгеньевна —

желание ваше с радостью исполняю, желаемое — выслано в размере, вами указанном. (Каков стиль?) ¹

В Ленинграде буду около 15-го июля², а сейчас я живу подобно окуню, коего погрузили в кипяток того ради, чтоб выварить из него бульон для стерляжьей ухи. Жить в этом качестве — горячо, но приятно. К сожалению, у меня сердце в беспорядке и немножко задыхаюсь.

Рад узнать, что вы взялись за работу над романом, и почему-то мне кажется, что вас ожидает удача. Вы — женщина упрямая, работать любите.

По приезде буду говорить с вами об одном литературном предприятии, об альманахе «День»³. Может быть, вы уже слышали об этом?

Всего доброго, крепко жму руку. Мой адрес: Никитская 6.

27.VI.31.

А. Пешков

¹ В письме к Горькому от 13 июня 1931 г. Левберг сообщала: «Почти год я собирала материал для исторического романа. Подготовительная работа близится к концу. Черновые, правда, совсем черновые наброски есть! Чтобы написать этот роман (расчет, основанный на опыте товарищей), надо 5—6 месяцев. Чтобы вплотную сесть за работу, надо 1—1½ мес. отдохнуть по-настоящему (<...>»

Два года тому назад вы предлагали мне денег в долг. Я отказалась, т(ак) к(ак) у меня не было в виду конкретного плана работы, а „отдых“, по-моему, неубедительная вещь. Сейчас, если бы вы повторили свое предложение, я с благодарностью приняла бы его» (АГ).

² Горький приехал в Ленинград 20 сентября 1931 г. и 8 октября 1931 г. возвратился в Москву.

³ Речь идет о сборнике «День мира», который был задуман Горьким в 1931 г. (вышел под редакцией М. Горького и М. Кольцова. М., Журнально-газетное объединение, 1937). О значении этого сборника Горький говорил в заключительной части речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей (т. 27, с. 344—345, 436).

Сборнику «День мира» предислание Горького — «Задачи нашей книги (Из письма М. Е. Кольцову)». Впервые опубликовано в журнале «За рубежом», 1936, № 18, от 25 июня под заглавием «О книге „День мира“ (Из письма М. Кольцову)».